

Глава 14

Ненависть, ненависть, ненависть, ненависть, ненависть

На Террасе Бихань воцарилась мёртвая тишина.

Сюнь Е не смел и пикнуть.

Он вознёс молитву демоническим богам, надеясь, что пока гнев Владыки Чэня не утихнет, ему удастся простоять здесь столбом, не привлекая к себе внимания и не попадая под горячую руку.

Пока он бормотал про себя, по снегу легко проскользнула Фу Юй и, остановившись рядом с ним, протянула свиток.

— Держи, твоё послание. Захватила по пути, можешь не благодарить.

Сюнь Е нахмурился. Какое ещё послание?

— С каких это пор ты стала такой доброй? — проворчал он, разворачивая свиток. — Раньше попросишь о помощи — словно полжизни отнимаешь, а сегодня...

Слова застряли у него в горле.

Зал был усеян осколками льда, и холодный туман тонкими струйками поднимался от пола.

Чэнь Шэ поднял нефритовую доску для игры. Его пальцы мягко скользнули по поверхности, и артефакт размером с ладонь мгновенно вернулся к своим обычным размерам.

Для Владыки Чэня Сыфан Улу был не слишком практичен, но, безусловно, выглядел куда «роскошнее», чем его собственная, потрёпанная и словно обглоданная собаками доска.

Доска была вырезана из цельного куска нефрита. Девятнадцать продольных и поперечных линий были нанесены одним уверенным движением. От неё исходила плотная духовная сила — редчайшее сокровище в мире.

В уголке доски был вырезан крошечный иероглиф.

Глаза Чэнь Шэ не могли его разглядеть. Он дважды провёл по нему пальцами, прежде чем узнал. Это был иероглиф «Чэнь».

Каждая черта была выведена аккуратно и старательно.

Кончики пальцев Чэнь Шэ едва заметно дрогнули.

Тук-тук.

Снаружи раздался тихий стук.

— Владыка Чэнь, из Бафанвана пришло донесение от Союза Бессмертных. Оно касается юного господина.

— Войди.

Сюнь Е, скрепя сердце, толкнул дверь и, с видом человека, идущего на казнь, поклонился.

Бафанван был тайной сетью шпионов Пустоши Куньфу в Союзе Бессмертных. Сюнь Е, чтобы сэкономить время, приказал им разузнать всё о жизни У Линчаня в Союзе.

Перед Чэнь Шэ лежала нефритовая доска. Он спросил тихим голосом:

— Что там?

— Юный господин был весьма известен в Союзе Бессмертных, — начал Сюнь Е. — В шесть лет его принял в ученики глава ордена пика Сяолёу. Он обладал исключительным талантом и в четырнадцать лет уже достиг стадии формирования ядра. Однако по неизвестной причине год спустя, в свой день рождения, он лишился всей своей силы, а его золотое ядро было разрушено. Глава ордена пика Сяолёу, по-видимому, имел на юного господина какие-то свои планы. За эти годы юный господин натворил немало бед, даже ранил его родного сына Мэн Пина, но так и не был изгнан.

Чэнь Шэ нахмурился.

«Золотое ядро разрушено?»

В одночасье из избранника небес превратиться в простого смертного, лишённого сил... У Кунькунь, с его наивностью и неумением разбираться в людях, должно быть, натерпелся немало.

Пальцы Чэнь Шэ, лежавшие на доске, сжались.

— А раны, с которыми он вернулся в Куньфу, откуда они?

— У главы ордена пика Сяолёу есть сын, посредственного таланта, который завидовал юному господину. Все эти десять лет он тайно строил ему козни и не раз был наказан за это главой ордена.

Голос Сюнь Е становился всё тише.

— Недавно, когда в Ванлэин открылся разлом и появилось тайное царство, Мэн Пин ранил юного господина из Лука Тайпин, артефакта уровня трансформации духа.

Артефакты такого уровня были крайне редки. Удар подобного оружия мог стоить половины жизни.

Неудивительно, что когда У Линчань очнулся, Цзян Чжэнлю приказал принести ему целую бочку тысячелетнего нефритового нектара.

Холодный ветер ворвался в окно, заставив снежную кисею на стенах метаться в причудливом танце.

Чэнь Шэ коротко усмехнулся, но выражение его лица было пугающим.

Пик Сяолёу. Мэн Пин.

Сюнь Е решил, что раз уж начал, то нужно идти до конца.

— Когда Фу Юй возвращалась, она видела, как юный господин выбежал из бокового дворца.

— Куда он пошёл? — встрепенулся Чэнь Шэ.

— Во дворец Даньцзю.

***

За несколько дней дворец Даньцзю так и не успели починить. Половина спальни обрушилась, а снаружи бушевал ветер, и потоки дождя хлестали внутрь.

У Линчань перетащил из бокового дворца все свои вещи, но дождь был слишком сильным. Чернильный человек, изображавший Чэнь Шэ, намкнув, исказился до неузнаваемости, словно собирался сожрать ребёнка.

На лице У Линчаня смешались дождь и слёзы. Глядя на искажённую фигуру, он снова ощутил волну обиды и гнева. Внезапно он швырнул толстую стопку бумаг, испещрённых иероглифом

«Чэнь».

— Я не просто не люблю! Я ненавижу! Как будет «ненавидеть» на языке Куньфу?!

У Линчаня было досадное чувство, будто он проиграл в споре. Вытирая слёзы, он бросился на единственную уцелевшую лежанку и, уткнувшись лицом в подушку, принялся бормотать, тренируясь:

— Я тебя ненавижу! Я тебя очень ненавижу...

...Словно это могло вернуть ему боевой дух.

Сюаньсян, собрав тушь с чернильного человека в одну каплю, впитал её в свои волосы.

— В детстве я никогда не видел, чтобы ты плакал, а повзрослев, стал таким плаксой. Вставай.

У Линчаня, надув губы, сел. Кончик его носа и глаза покраснели, слёзы ещё не высохли.

— Я же советовал тебе держаться подальше от Чэнь Шэ, а ты не слушал... — принялся Сюаньсян вытирать ему слёзы.

— Мне сейчас нужно утешение и чтобы кто-нибудь вместе со мной поругал Чэнь Шэ! — сверкнул на него покрасневшими глазами У Линчаня. — А не твои упрёки и запоздалые советы!

— А кто виноват? — парировал Сюаньсян. — Послушал бы меня раньше, ничего бы этого не было.

— И тебя я тоже ненавижу!

Любой бы почувствовал себя обиженным, если бы его подарок, на который было потрачено столько сил, отвергли с таким пренебрежением, а тем более У Линчаня, самопровозглашённый центр вселенной и дитя удачи.

Он не мог проглотить эту обиду. Вскочив с лежанки, он собрался нарисовать новый портрет Чэнь Шэ, чтобы выместить на нём злость.

— Хватит уже, — со смехом остановил его Сюаньсян, силой усадив обратно. — Перестань метаться. Сейчас главное — успокоиться и восстановить силы.

У Линчаня недовольно сел, скрестив ноги и сложив руки в мудру для медитации.

Сюаньсян сел рядом, охраняя его покой.

Спустя некоторое время У Линчань тихо пробормотал:

— Он мне больше не нравится.

— Угу, — отозвался Сюаньсян.

— Завтра в Малой обители Фэньюй я получу высшую оценку и не стану ему показывать.

— ...Очень мужественно, — сказал Сюаньсян. — А если ты вообще не пойдёшь в Малую обитель Фэньюй, это будет ещё мужественнее?

— Точно! — воодушевился У Линчань. — Я прогуляю занятия и больше никогда не буду его слушаться!

— ...Медитируй.

— Хорошо!

Сюаньсян закрыл глаза, впитывая энергию из ядра демонического зверя, которое он сегодня поглотил.

Не прошло и четверти часа, как он почувствовал тяжесть на своих ногах.

У Линчань, войдя в медитацию, направил духовную силу по своим меридианам, но сегодня демоническая ци вновь повредила его дантянь. Не завершив и малого круга циркуляции, он рухнул без сил и заснул.

Сюаньсян, глядя на бледное лицо У Линчаня, тихо вздохнул.

Он уложил его на подушку и уже собирался помочь ему исцелиться, как вдруг сквозь шум проливного дождя донеслись тихие шаги.

Сюаньсян слегка нахмурился.

***

У Линчань был в полузабытьи. Тупая боль в меридианах и дантяне медленно нарастала, терзая его даже во сне, словно пытка тысячи порезов.

— Кунькунь...

Кто-то звал его во сне.

Он растерянно открыл глаза. У его ног расстилались багряные кленовые листья, а над головой ветер с глухим стоном раскачивал паутину.

У Кунькунь почувствовал беспричинный страх. Он вытер слёзы и всхлипнул:

— А-сюн, А-сюн, давай уйдём вместе, хорошо?

Лица Чэнь Шэ во сне было не разглядеть. На его одежде лежали кленовые листья и несколько серебряных нитей паутины. Он стоял на коленях и тяжело дышал.

— Убирайся! — раздражённо бросил он.

У Кунькунь не понял, что это значит, и снова потянулся к нему.

— Я сказал, убирайся! — Чэнь Шэ оттолкнул его, и на его плечо упало ещё несколько листьев.

У Кунькунь отшатнулся и сел на землю. Колокольчик на его шее тихо звякнул.

— А-сюн? — растерянно прошептал он.

Чэнь Шэ, увидев, как он упал, вздрогнул, но заставил себя закрыть глаза и, с трудом сдерживая дрожь, проговорил:

— Ты и твой отец, вы оба мне отвратительны! Убирайся отсюда немедленно!

— Но там кусаются собачки, — пролепетал У Кунькунь. — Мне страшно, я останусь с А-сюном...

— Я не умру, — холодно отрезал Чэнь Шэ. — Ты просто обуза. Убирайся, и чем дальше, тем лучше.

Глаза У Кунькуня расширились. Он ошеломлённо смотрел на него, и слёзы хлынули из его глаз.

«Я не обуза».

У Линчань всегда ненавидел эти слова. Он пытался вырваться из сна, и острая боль пронзила его тело, заставив застонать.

В полудрёме ему показалось, что кто-то сел на край лежанки.

Это был не запах туши, как у Сюаньсяна, а другой, незнакомый, но знакомый аромат снега и бамбуковых листьев.

Лицо У Линчаня было мокрым от слёз, но он не мог открыть глаза.

Этот аромат приблизился к его лбу, и мощный поток духовной силы хлынул в его море сознания, мгновенно растекаясь по всему телу.

Скрытые повреждения, нанесённые демонической ци, бесследно исчезли. Мучительная боль отступила.

У Линчань, свернувшись калачиком, почувствовал, как чья-то рука вытирает слёзы с его щёк.

Остаток ночи прошёл без сновидений.

***

Жизнь в Пустоши Куньфу была противоположностью жизни людей.

Ещё светило солнце, когда ученики пика Сяолёу, проведя полмесяца в тайном царстве, наконец, вернулись в орден. Костяной зверь, расправив крылья, со скрипом приземлился у ворот.

Мэн Пин с безразличным видом спустился на землю и холодно окинул взглядом стоявших позади учеников.

— Помните, что можно говорить, а что — нет.

Все замерли от страха. Лишь юноша с раной на лице смотрел на него с ненавистью.

Мэн Пин усмехнулся и, взмахнув рукой, послал поток духовной силы. Невидимая рука схватила юношу за горло и подняла в воздух.

— Юный глава, успокойтесь!

— Цзинхуэй!

Остальные ученики бросились к нему, пытаясь остановить.

Мэн Пин отшвырнул их и, подтащив Лю Цзинхуэя к себе, ледяным тоном произнёс:

— У Линчань был одержим демоническим зверем, потерял рассудок и превратился в дикое животное. Поэтому он не смог выбраться из тайного царства. Я лишь совершил праведный поступок, избавившись от зла. Запомнили?

— Юный... глава... — задыхаясь, прохрипел Лю Цзинхуэй и усмехнулся. — Как бы ты ни завидовал, тебе никогда не сравниться...

Глаза Мэн Пина вспыхнули яростью. Он сжал руку.

Бам.

В тот миг, когда он готов был сломать шею Лю Цзинхуэю, из глубин пика Сяолёу вырвался поток духовной силы и ударил Мэн Пина по запястью.

Лю Цзинхуэй рухнул на землю. Спотыкаясь, он упал на колени и закашлялся. Слезы текли по его щекам, но он продолжал свирепо смотреть на Мэн Пина.

— Что случилось? Где Линчань? — донёсся изнутри голос.

— Глава ордена, Линчань был... — хрипло начал Лю Цзинхуэй, опустившись на колени.

Не успел он договорить, как на него обрушилась мощная волна давления, и он замолчал.

— Пин-эр? — спросил глава ордена.

Мэн Пин с усмешкой посмотрел на Лю Цзинхуэя.

— Тайное царство рухнуло, и звери, что были запечатаны, вырвались на свободу. Линчань был одержим одним из них, и мне пришлось оставить его там.

Глава ордена помолчал, а затем спросил остальных:

— Это правда?

Все, кроме Лю Цзинхуэя, переглянулись и, поколебавшись, кивнули:

— Всё так, как сказал юный глава.

— Пин-эр, иди ко мне, — сказал глава ордена, не вдаваясь в подробности.

— Слушаюсь.

Лю Цзинхуэй, униженный, остался стоять на коленях. На его шее уже проступали уродливые следы от пальцев. Он не сводил с Мэн Пина полного ненависти взгляда.

Мэн Пин подошёл к нему и, глядя сверху вниз, с презрением произнёс:

— Если хочешь попасть на Великое собрание в Пэнлае, держи язык за зубами. Иначе я не поленюсь отправить тебя вслед за этим идиотом.

С этими словами он поправил одежду и улетел в сторону пещеры главы ордена.

Лю Цзинхуэй остался один. Он долго стоял на коленях, не двигаясь.

Остальные ученики, чувствуя вину и стыд, с тревогой смотрели на него.

Лю Цзинхуэй навлёк на себя гнев юного главы, и теперь его ждали нелёгкие времена.

***

Мэн Пин в мгновение ока достиг пещеры главы ордена. Не успел он остановиться, как ему в лицо ударил порыв ветра.

Хлоп.

Мэн Пин получил звонкую пощёчину. Из уголка его губ выступила кровь.

На высоком помосте сидел глава ордена пика Сяолёу, Истинный Мэн. Его глаза метали молнии.

— Ты хоть понимаешь, что наделал?

Мэн Пин равнодушно вытер кровь с губ и с усмешкой ответил:

— Отец, я вернулся, рискуя жизнью, а вы, вместо того чтобы спросить о моих ранах или о предмете-подавителе, бьёте меня из-за какого-то идиота. Иногда мне кажется, что У Линчань — ваш родной сын.

— Как твои раны? — безразлично спросил Истинный Мэн.

— Я не ранен, — ухмыльнулся Мэн Пин и бросил на пол потускневший нефрит души У Линчаня. — А вот ваш любимый «сынок» стал кормом для зверей, и от него даже костей не осталось.

Истинный Мэн потёр переносицу.

— Я с детства говорил тебе, что У Линчань, каким бы удачливым и талантливym он ни был, в будущем будет служить только тебе. Сирота без роду и племени не сможет ничего сделать. Зачем ты опускаешься до его уровня и враждуешь с ним?

— С тех пор как он появился в ордене, вы целыми днями восхваляли его талант и успехи, — усмехнулся Мэн Пин. — Даже когда его золотое ядро было разрушено, вы всё равно ему покровительствовали. Вы хоть знаете, что о вас говорят? А теперь ещё и упрекаете меня во вражде с ним?

— Талант у всех разный. Даже лишившись сил, он был очень полезен. Ключ, который он носил...

— Хватит! — Мэн Пин повернулся к нему. — Мне неинтересно, в чём его польза. Теперь он мёртв. Отцу лучше поскорее найти другой ключ.

Сказав это, он, не задерживаясь, взмахнул рукавами и ушёл.

В пещере воцарилась тишина.

— Ключ нельзя терять, — безразлично произнёс Истинный Мэн. — Найди У Линчаня, любой ценой.

Каменный лев, сидевший рядом, встряхнулся. Каменная крошка посыпалась с него, и он превратился в высокого мужчину.

— Слушаюсь.

***

Мэн Пин с мрачным лицом вышел из пещеры. Не успел он сделать и нескольких шагов, как к нему подбежал послушник.

— Юный глава, беда.

— Что такое?

— Светильник души, — торопливо сказал послушник. — Светильник души У Линчяня всё ещё горит. Он не умер!

Лицо Мэн Пина изменилось.

Светильники души учеников пика Сяолёу были связаны не с морем сознания или кровью сердца, а с кровью души.

Рушащееся тайное царство, тысячи обезумевших демонических зверей...

Выжить в таких условиях... Удача У Линчяня была просто невыносима.

Лицо Мэн Пина исказилось от ненависти.

— Неудивительно, что отец так легко оставил это дело, — холодно произнёс он. — Возьмите кровь из светильника, сделайте новую нефритовую табличку и найдите У Линчяня. Живого или мёртвого.

Послушник был ошеломлён. «Что за вражда такая?» — пронеслось у него в голове.

Но лицо Мэн Пина было искажено ненавистью, и даже в глубине его зрачков, казалось, тлели злоеущие красные огоньки.

...Неужели У Линчянь довёл его до появления внутреннего демона?

— Слушаюсь, слушаюсь, — не смея больше задавать вопросов, ответил послушник.

***

Наступал рассвет.

Бафанван за ночь доставил все сведения о жизни У Линчяня в Союзе Бессмертных. Чэнь Шэ, сидя в одиночестве на нефритовом помосте, страница за страницей просматривал их. На

Террасе Бихань бушевала метель.

Сюнь Е на цыпочках вошёл и, склонив голову, доложил:

— Владыка Чэнь, мастера придут через полчаса и как можно скорее восстановят дворец Даньцзю.

— Хорошо, — отозвался Чэнь Шэ.

Сюнь Е остро почувствовал, что Владыка Чэнь в ужасном настроении, и затаил дыхание.

Чэнь Шэ сжёг донесения и тихо приказал:

— Посмотри, проснулся ли он.

— Отправить юного господина в Малую обитель Фэньюй?

— Нет, — Чэнь Шэ погладил лежавшую перед ним нефритовую доску. — В академии многие враждебно к нему настроены. Пусть не ходит туда. Приведи его на Террасу Бихань, я буду учить его сам.

— Слушаюсь.

Сюнь Е тихо вздохнул. Снаружи он выглядел почтительным, но внутри всё похолодело. Он поклонился и вышел.

Чэнь Шэ инстинктивно провёл пальцами по иероглифу «Чэнь» и уже собирался приказать приготовить новые письменные принадлежности, как Сюнь Е поспешно вернулся.

— Что? Ещё не проснулся?

— Нет, — скрепя сердце, ответил Сюнь Е. — Когда я пришёл, юный господин только проснулся. Увидев меня, он оскалился и сказал, что ненавидит меня.

Чэнь Шэ промолчал.

***

Живые существа не могли долго находиться в пространстве Сюаньсяна. Полудемон был выпущен и утром научил У Линчаня, как будет «ненавидеть».

У Линчань вчера был сильно обижен, а ночью ему приснилось, как в детстве Чэнь Шэ назвал его «обузой». Новая и старая обиды смешались, и у него зазвенело в голове от злости.

Сюнь Е попался под горячую руку и получил сполна.

Он был ошеломлён. Увидев, что У Линчань в ярости выбегает на улицу, он бросился за ним и коротко сказал:

— Владыка Чэнь сказал, что юному господину не нужно ходить в академию, он будет учить тебя сам.

— Ай-я-я! Владыка Чэнь хочет учить меня лично? Неужели мне нужно пасть на колени и благодарить его за милость? — с сарказмом воскликнул У Линчань.

Сюнь Е промолчал.

— Владыка Чэнь не знает языка Союза Бессмертных, чему он может меня научить? — продолжал У Линчань, помрачнев. — Козлик всё умеет, он будет меня учить и не назовёт обузой!

Полудемон скромно кивнул, соглашаясь, что юный господин У — первый в мире, центр вселенной, само благородство.

— Раз уж ты пришёл, — не дожидаясь ответа Сюнь Е, добавил У Линчань, — передай Владыке Чэню, что я забираю свои слова обратно. Я не просто «не люблю» его, я его «ненавижу».

Сюнь Е промолчал.

Ненависть, ненависть, ненависть! Он ненавидел всех, кто был рядом с Чэнь Шэ!

У Линчань, осыпав его проклятиями, вместе со своим новым учителем гордо удалился.

Чэнь Шэ промолчал.

Сюнь Е ещё никогда не выполнял такого сложного задания.

— Юный господин был непреклонен, — попытался он оправдаться, — я не посмел его задерживать силой.

Услышав слово «обуза», ресницы Чэнь Шэ дрогнули. Он, казалось, с бессилием вздохнул и медленно поднялся.

— Куда он пошёл?

— Судя по направлению, на задний двор академии Сычжо.

<http://bllate.org/book/16997/1583370>